

ФЕДОРОВСКИЙ ПОСЕЛОК КУРЬЯ 1 В СИСТЕМЕ АНДРЕЕВСКИХ ОЗЕР¹

В.А. Зах, Н.Е. Рябогина, В.В. Илюшина, С.Н. Иванов, Е.И. Мурзина

*Рассматриваются материалы комплекса федоровской культуры многослойного поселения Курья 1, расположенного у одноименного древнего старичного озера на севере Андреевской озерной системы. Находки федоровской культуры сделаны в слое темно-коричневой супеси и колодезных ямах, прорезающих ранние наслоения и материковый песок. Исследованы остатки, вероятно, трех слегка углубленных жилищ с колодцами, содержащих керамику, немногочисленный инвентарь и кости животных. Спорово-пыльцевой и гельминтологический анализы проб, отобранных из заполнения колодцев, показали, что федоровский поселок существовал в аридных условиях с остепненными ландшафтами. Вызывает интерес пыльца злаков, которую можно разделить на две размерные группы: мелкую пыльцу дикорастущих и крупную, диагностируемую как пыльца культурных злаков. По морфологическим признакам она близка пыльце пшеницы (*Triticum* sp.), встречающейся в виде скоплений, что является одним из основных диагностических признаков близко расположенного засеянного поля. В пробах из заполнения колодцев, которые после их оплывания использовались, скорее всего, для утилизации пищевых отходов, обнаружены яйца фасциолы.*

Андреевская озерная система, федоровская культура, керамика, спорово-пыльцевой анализ, дикорастущие и культурные злаки, яйца гельминтов.

В конце III — начале II тыс. до н.э., в суббореальный период голоцена, Северную Евразию охватывает новая волна аридизации климата (так называемый климатический оптимум). Вследствие этого в западно-сибирскую лесостепь начинается продвижение скотоводческого населения из юго-западных и южных областей. В разные периоды II тыс. до н.э. в лесостепи и южно-таежной части Западной Сибири от Енисея до Урала проживало население нескольких археологических культур, объединенных рядом общих признаков, одним из которых является самусьско-сейминская металлургия [Черных, Кузьминых, 1989]. Наиболее исследованы такие культуры, как окуневская, самусьская и кротовская, поселения и могильники которых расположены к востоку от Иртыша [Вадецкая и др., 1980; Молодин, Глушков, 1989; Матющенко, 1973; Молодин, 1977, 1985]. В лесостепном и южно-таежном Притоболье в начале II тыс. до н.э. до прихода петровско-алакульских коллективов проживало население, оставившее поселки ташковской культуры [Ковалева, 1997; Ковалева и др., 2000]. С проникновением мигрантов и взаимодействием их с аборигенным населением появляются синкретичные алакульско-ташковские комплексы, ставшие основой сложения коптяковских, из которых развиваются комплексы федоровской культуры в Притоболье [Зах, 2012].

Исследованных федоровских поселений в лесной части Нижнего Притоболья немного [Зах, 1995], два из них, Дуванское 17 [Стефанов, Корочкова, 1983, 2000] и Курья 1 [Волков и др., 2007], находятся на территории Андреевской озерной системы.

Остановимся на характеристике федоровского комплекса поселка Курья 1. Многослойное поселение расположено на невысоком древнем останце-террасе некогда обширного водоема — в настоящее время это оз. Чепкуль и еще ряд мелких озер,— на северо-западном берегу оз. Курья. Площадка поселения вытянута с севера на юг и с запада на восток примерно на 120 и 40 м соответственно. Поселок находился на нижнем краю террасы, ближе к межозерной низине, на достаточно низких отметках. Памятник занимает около 5000 м². К югу от него расположены открытые луговые пространства, к северу, на песчаных дюнах,— смешанный сосново-березовый лес (рис. 1, 1, 2).

В 2004 г. на нарушенной площади поселения в северо-западной части был разбит разведочный раскоп размерами 4×4 м. Выявлена незначительная часть котлована жилища эпохи

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-31044 «Динамика гончарного производства у населения эпохи бронзы в лесостепной зоне Западной Сибири», гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

бронзы, слабо углубленного в материк. Вскрыты столбовые и хозяйственные ямы (рис. 1, 3). На разрезе фиксировались темно-коричневая супесь мощностью 0,45 м, прослойка черной супеси с углем, по образцу из которой получена дата (СОАН 5849 3390±40 л.н.) [Зах и др., 2011] (0,1 м) и серая супесь мощностью 0,15–0,25 м (рис. 1, 4). Обнаружена в основном керамика, украшенная геометрическими узорами, наклепными и формованными валиками, каннелюрами и орнаментами из прочерченных линий и гребенчатых оттисков. Найдены обломки каменных орудий и изделия из глины (рис. 1, 5–10).

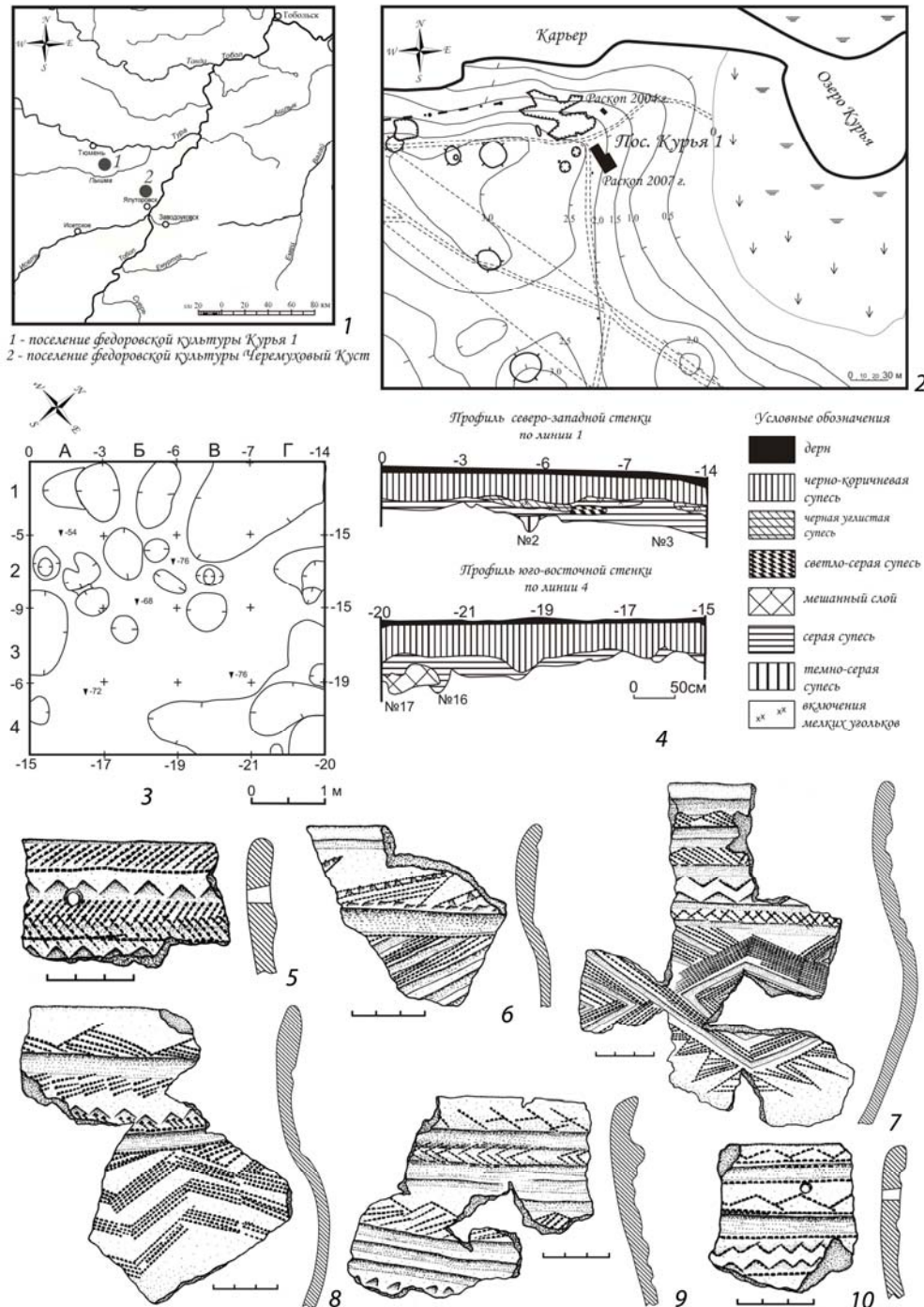

Рис. 1. Расположение поселения Курья 1 (1, 2) и материалы раскопа 1 (3–10)

В 60 м к югу от раскопа был заложен шурф 1, а в 2007 г. в 30–40 м раскопом площадью 315 м² вскрыты слои неолита, раннего металла [Волков, 2010] и эпохи бронзы. Сделано незначительное количество находок переходного от бронзы к раннему железу времени и средневековья. В силу многослойности памятника и малой глубины федоровских жилищ, находившихся в пачке культурных отложений, котлованы практически не прослеживались. Федоровские материалы обнаружены в основном в слое темно-коричневой супеси, залегающем между коричневой (пахотный слой) и серо-коричневой супесью, содержащей находки байрынской культуры эпохи раннего металла. На поселении выявлено 7 колодезных ям, перерезавших ранние напластования и углублявшихся в подстилающий материковый песок. Колодцы выбраны не полностью, поскольку быстро заполнялись обильными грунтовыми водами. Частично материковые выбро-сы лежат на слое серо-коричневой супеси, что маркирует стратиграфическую позицию пола федоровских строений (рис. 2, 1, 2).

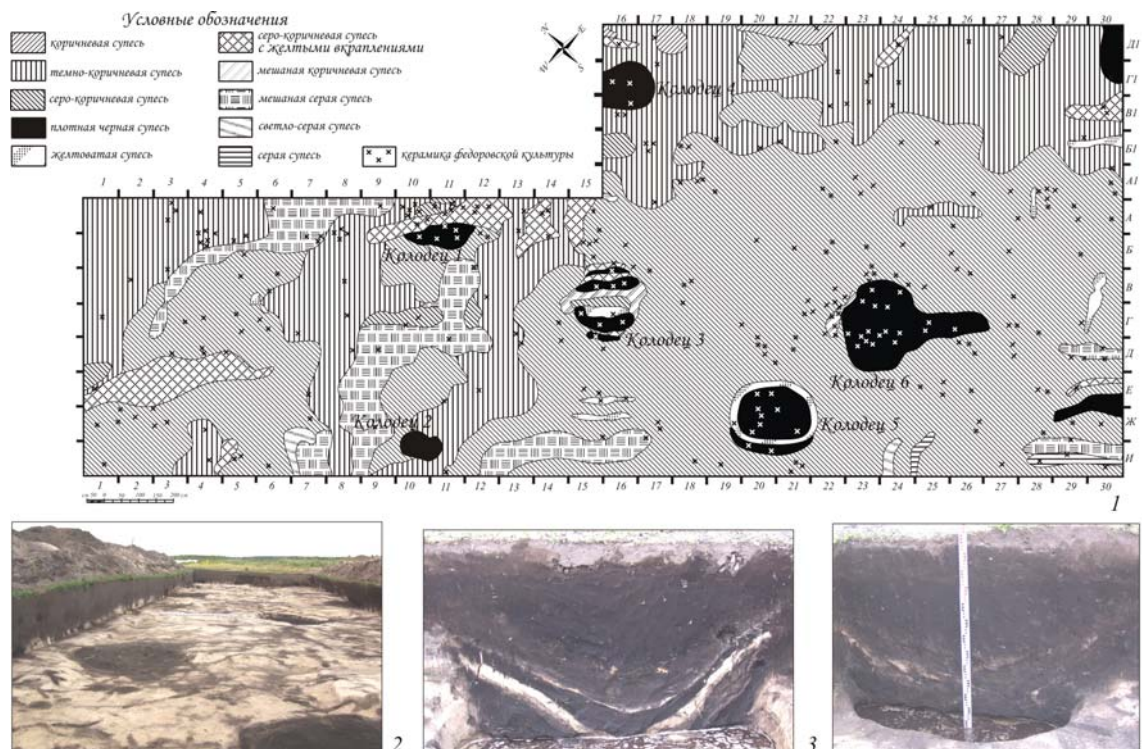

Рис. 2. План раскопа на уровне 4 горизонта (1), вид с ЮВ на колодцы на уровне материка (2), разрез колодцев 4 и 7 (3, 4)

Колодец 1. Яма на материке имела округлые очертания, размеры 1,85×1,60 м, исследована до глубины 0,71 м от уровня материка. В заполнении отмечались слои супесей плотной черной, серо-коричневой, серо-коричневой с желтыми вкраплениями и горизонт желтоватой супеси. Материал представлен 5 фрагментами посуды федоровской культуры и мелкими дроблеными костями животных. В заполнении колодезной ямы встречены также четыре фрагмента байрынской керамики эпохи раннего металла.

Колодец 2. Яма округлой формы, размерами 1,88×1,90 м, вскрыта до глубины 0,87 м от уровня материка, была заполнена плотной черной, серо-коричневой с желтыми вкраплениями и грязно-желтой супесью. Материал представлен 21 фрагментом федоровской посуды и остеологическими остатками. Здесь же найдены 4 фрагмента стенок байрынских сосудов и 2 фрагмента посуды андреевской культуры эпохи раннего металла.

Колодец 3. Яма имела округлые очертания, размеры 1,25×1,30 м, исследована до глубины 0,72 м, в заполнении колодца отмечалась плотная черная, серо-коричневая с желтыми вкраплениями и рыжая супесь. Обнаружено 53 фрагмента федоровских сосудов, 9 фрагментов стенок байрынской керамики и обломок «сигаровидного» грузила эпохи раннего металла, а также днище

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

боборыкинского сосуда эпохи неолита. Остеологические остатки фиксировались в виде плотных, крупных скоплений дробленной кости, залегавших в основном в придонном заполнении колодца.

Колодец 4. Яма исследована частично, имела округлую форму, размеры 1,70×2,10 м, глубину от уровня материка 0,55 м, заполнена плотной черной, серо-коричневой с желтыми вкраплениями и желтой супесью с различными примесями (рис. 2, 3). Материал из заполнения ямы представлен 5 фрагментами федоровской керамики и 4 костями животных.

Колодец 5. Яма имела округлую форму, размеры 2,12×2,04 м, вскрыта до глубины 0,65 м от уровня материка, заполнена слоями плотной черной, серо-коричневой с желтыми вкраплениями супеси и желтоватого песка. Материал представлен 5 фрагментами керамики федоровской культуры, фрагментами стенки андреевского сосуда эпохи раннего металла и 4 костями животных.

Колодец 6. Яма имела подовальные очертания, размеры 1,97×2,28 м, исследована до глубины 0,58 м от уровня материка, заполнена плотной черной, рыжей и мешаной коричневой супесью. Материал представлен 28 фрагментами федоровской посуды, 5 фрагментами байрыкской керамики, 3 фрагментами стенок и 1 — венчика неолитических горшков и 24 костями животных.

Колодец 7. Колодезная яма исследована частично, имела округлые очертания, размеры 1,55×0,51 м, исследована до глубины 0,55 м от материка, заполнена плотной черной, серо-коричневой с желтыми вкраплениями и переотложенным горизонтом светло-серой супеси (рис. 2, 4). Материал представлен 3 фрагментами стенок федоровской посуды.

Для выявления границ жилых сооружений был проведен планиграфический анализ распространения фрагментов венчиков федоровской посуды относительно темно-коричневой супеси и колодезных ям. Судя по расположению керамики, раскопом вскрыты остатки, видимо, трех жилищ. С жилищем 1, вероятно, связаны колодцы 3, 5, 6, с жилищем 2 — колодезные ямы 1, 2, жилищем 3 — колодцы 4, 7 (рис. 2, 1). Котлованы курьинских федоровских жилищ, скорее всего, были неглубокими, с пологими стенками и колодцами внутри строений, они полностью аналогичны сооружениям федоровского поселения Черемуховый Куст [Зах, 1995].

Керамический комплекс Курья 1 представлен фрагментами 381 сосуда, из которых 139 были подвергнуты технико-технологическому анализу, проведенному в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и в соответствии с выделенной им структурой гончарного производства [1978; 1999, с. 9–11].

Исследование показало, что гончарами поселения Курья 1 в качестве исходного пластичного сырья использовались «классические» и илестые глины.

Глины (93 обр., или 66,9 %) отбирались различного качества и, по всей видимости, в разных местах, о чем свидетельствуют различия в характеристике качественного состава использовавшегося сырья. В целом выделены три группы глин: слабозапесоченная (38 обр., или 27,3 %), среднезапесоченная (43 обр., или 31 %) и запесоченная (12 обр., или 8,6 %). Главным образом использовалось тощее сырье. В качестве естественных примесей глины содержат разное количество кварцевого в основном окатанного песка (лишь в изломе одного экземпляра песчинки представлены остроугольной фракцией), железистые включения, оолы бурого железняка, единичные включения обломков лимонита, единичные пылевидные листочки слюды. В изломах 9 фрагментов отмечены обломки чешуи и косточки рыб, а в 13 экз. зафиксированы единичные чешуйки раковин пресноводных моллюсков. Отсутствие наряду с обломками раковин речных моллюсков и чешуи рыб других признаков, характерных для илестых глин, позволяет отнести сырье к глинам. Скорее всего, оно было отобрано в прибрежных районах реки или озера. В изломах 8 фрагментов наблюдаются рыхлые светло-коричневые комочки размером от 0,2–0,4 до 1,0–3,0 мм, наличие которых, возможно, обусловлено особенностями сырья: подобные включения присутствуют в некоторых эталонах исходного пластичного сырья, отобранных в различных районах юга Тюменской области.

Илестые глины (44 обр., или 31,7 %) по степени запесоченности также могут быть разделены на подгруппы — слабозапесоченная (27 обр., или 19,5 %), среднезапесоченная (15 обр., или 10,8 %), запесоченная (2 обр., или 1,4 %). Данный вид сырья, кроме перечисленных выше компонентов, содержит различное количество отпечатков и разрушенных включений раковины речных моллюсков: от 3–4 до 35 включений на 1 см². В изломах 25 образцов зафиксированы отпечатки недеформированных обрывков стеблей и листьев растений длиной до 3,0 см, единично — отпечатки водорослей и семян растений. В некоторых фрагментах встречены единичные окатанные комочки чистой глины. В 16 образцах отмечены обломки чешуи или косточки рыб.

Особый интерес вызывают два обломка (1,4 %), на изломах которых видно, что при конструировании сосудов использовались «строительные элементы», изготовленные из различного исходного сырья — слабозапесоченной глины и слабозапесоченной илистой глины. Исходя из данных особенностей эти образцы не могут быть соотнесены ни с глинами, ни с илистыми глинами.

Различные виды исходного сырья, судя по отсутствию признаков предварительного высушивания и дробления, по всей видимости, использовались в естественно увлажненном состоянии.

В качестве искусственных примесей в исходном пластичном сырье (ИПС) прослежены минеральные, органо-минеральные и органические добавки. В каждом из исследованных образцов зафиксирован *шамот* (Ш) таблитчатой или аморфной формы. Данная минеральная примесь гончарами в основном отбиралась размером 0,5–2,9 мм. Нередко на включениях шамота отмечается орнамент в виде желобков или отпечатков гребенчатого штампа. Концентрация шамота по отношению к формовочной массе чаще всего составляет 1:4 и 1:5.

Наблюдения показали, что формовочная масса керамики, использованной после утилизации в качестве шамота, чаще всего в своем составе имеет только шамот (104 обр.), иногда в сочетании с органикой в виде отпечатков растительности, обломков кальцинированной кости. В 33 образцах зафиксирован шамот с шамотом и шамот с тальком или слюдой. Лишь в двух образцах шамот содержит только тальк в сочетании с обломками минералов. В 24 образцах в формовочной массе шамота отмечены остатки и пустоты от выщелоченной раковины речных моллюсков, которая, судя по всему, являлась естественной примесью, что позволяет предполагать традиционность навыков добычи сырья из мест, приуроченных к водоемам.

Слюда (С) представлена чешуйками в основном серебристого цвета, размер включений составляет от 0,2 до 4,0 мм. Концентрация данного компонента 1:4.

Тальк (Т) в составе формовочной массы представлен обломками размером от 0,2 до 5,5 мм. Концентрация талька незначительна — 1:5 и 1:8.

Песок (П) как компонент формовочной массы выделен предположительно. Включения довольно мелкие, часто не превышают 1,0 мм в поперечнике, основная фракция, отнесенная к искусственному, составляет 0,4–0,8 мм, редко 1,0–1,5 мм. Концентрация незначительна — от 1:4 до 1:6.

Кальцинированная кость (К) представлена обломками молочно-белого, иногда черного цвета размером от менее 0,5 до 3,5 мм. Данная добавка отмечена в виде единичных включений и в незначительной концентрации — от 1:5 до 1:7.

Выжимка из навоза жвачных животных (В) зафиксирована в формовочной массе подавляющего большинства образцов. Данный компонент характеризуется незначительным количеством отпечатков сильно измельченной растительности размером в основном 0,5–2,0 мм, в единичных случаях зафиксированы отпечатки семян. Кроме того, отмечаются отдельные трещиноватые и аморфные пустоты со сглаженными стенками, как бы стянутые внутри, с сероватыми, белесыми, серо-коричневыми налетами или без них, которые также наблюдаются вокруг минеральной примеси. В некоторых случаях поверхности пустот и включения шамота покрыты матовой чаще всего бесцветной пленочкой, реже встречаются углистые и маслянистые налеты. Единично присутствуют углистые включения, а также рыхлые светло-коричневые комочки, связанные с выделениями из организма животных избыточных микроэлементов, входивших в состав растений [Бобринский, 1999, с. 19].

На использование *навоза жвачных животных* (Н) указывает достаточно большое количество отпечатков расщепленной растительности размером до 5,0–10,0 мм часто в сочетании с пустотами, покрытыми матовыми пленочками, что свидетельствует о добавке примеси в естественно-увлаженном состоянии.

Наличие *органического раствора* (ОР) определяется по присутствию аморфных или удлиненных трещиноватых пустот размером от 0,5 до 4,0 мм, стеночки которых покрыты маслянистыми бесцветными, серыми или углистыми пленками или корочками, часто в сочетании с углистыми включениями как отдельными в виде стеклообразных кристалликов, так и в виде пленок, покрывающих некоторые поверхности изломов.

Таким образом, по исследованному материалу выделено 12 рецептов формовочных масс: «ИПС + Ш + В» (54 %), «ИПС + Ш + ОР» (27,3 %), «ИПС + Ш + Н» (2,9 %), «ИПС + Ш + К + В» (2,9 %), «ИПС + Ш + К + ОР» (1,4 %), «ИПС + Ш + К + Н» (0,7 %), «ИПС + Ш + П (?) + В» (5,8 %), «ИПС + Ш + П (?) + ОР» (2,2 %); «ИПС + Ш» (0,7 %), «ИПС + Ш + С + В» (0,7 %), «ИПС + Ш + Т + В» (0,7 %), «ИПС + Ш + Т + К + В» (0,7 %).

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

Частичные данные о навыках конструирования начинов получены лишь по двум сосудам. В обоих случаях изготовление начинов производилось в соответствии с донно-емкостной программой конструирования. Модель программы предположительно доэлементная. Многослойность изломов свидетельствует об использовании лоскутов, которые накладывались по спиралевидной траектории. Полное тело данных сосудов, а также еще 30 исследованных верхних частей емкостей также изготавливались с помощью лоскутов или коротких жгутиков, наращиваемых по траектории, близкой к спиралевидной.

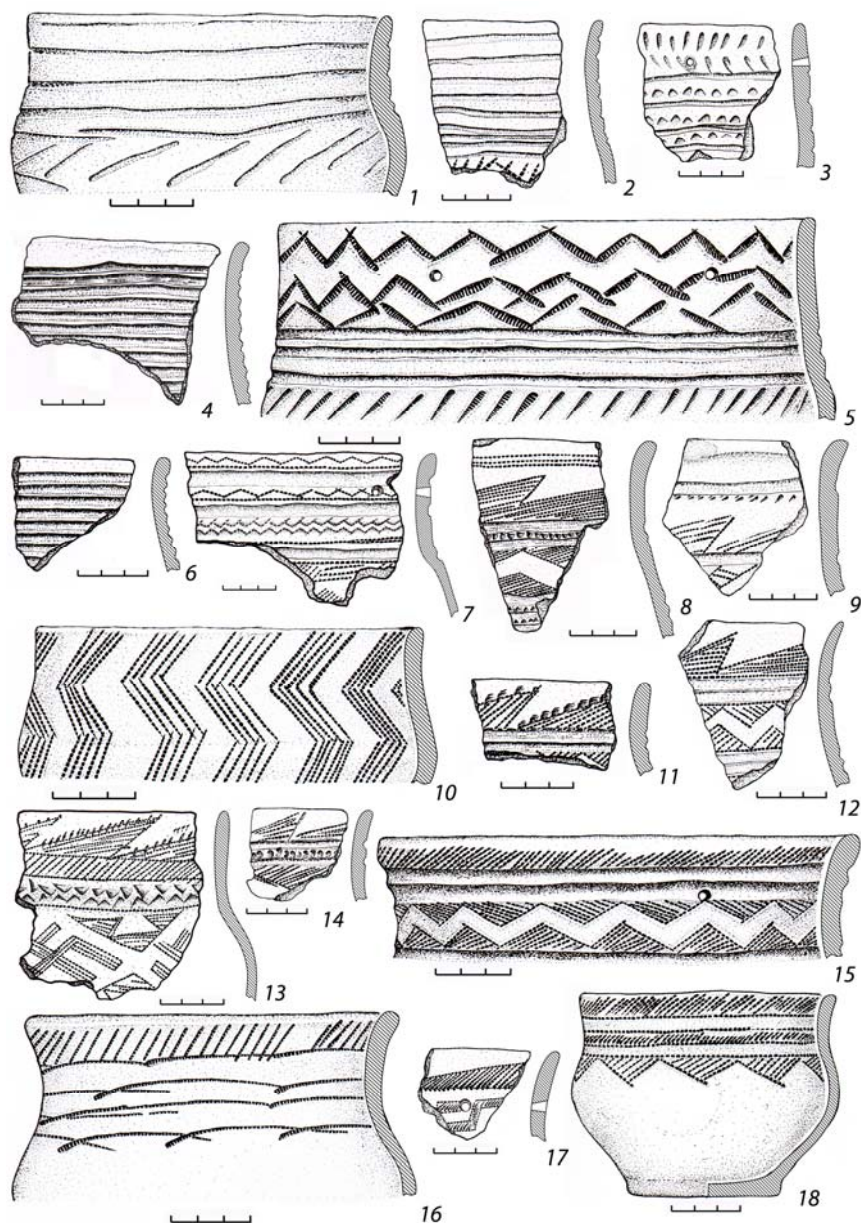

Рис. 3. Керамика поселения Курья 1

На внутренней поверхности дна одного из сосудов зафиксирован статичный отпечаток предположительно тканевой прокладки между формой-моделью и изготавливаемой емкостью, на основании чего можно предполагать использование формы-основы. Косвенным свидетельством такового при формообразовании сосудов могут служить следы выбивания гладкой колотушкой, зафиксированные на некоторых фрагментах. Кроме того, окончательная форма сосудов, скорее всего, придавалась с помощью выдавливания пальцами.

Поверхности исследованных фрагментов обрабатывались способом простого заглаживания тканью, пальцами, реже — деревянными и костяными шпателями, штампами, гальками. В большинстве случаев внешняя поверхность, а нередко и внутренняя подвергались лощению или уплотнялись по подсушенной основе гальечкой или костяным шпателем.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов достигалось путем термической обработки в костре или очаге в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды чаще всего с кратковременным действием температур каления глины (не ниже 650 °С).

Рис. 4. Керамика поселения Курья 1

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

В целом анализ выявил традиционность навыков производства керамики у гончаров федоровской культуры поселения Курья 1. В качестве ИПС в основном использовались глины. Абсолютное большинство сосудов (89,9 %) изготовлено из формовочных масс в соответствии с рецептом, по которому к исходному пластичному сырью добавлялись шамот и органика (навоз жвачных животных, выжимка из него и органические растворы), иногда — кальцинированная кость. Конструирование сосудов осуществлялось лоскутным спиралевидным налепом по донно-емкостной программе, а формообразование изделий — с использованием форм-моделей. При обработке стенок сосудов в большинстве случаев применялось лощение по подсушенной или смоченной водой поверхности гальками и костяными орудиями.

Технология изготовления керамики федоровскими гончарами Курья 1 аналогична технологическим особенностям гончарства на поселении Черемуховый Куст: на последнем также использовались глины чаще всего с добавлением шамота и органики (85,1 %) [Зах, Илюшина, 2010, с. 43–46; Илюшина, 2010]. Вместе с тем на поселении Курья 1 меньше доля сосудов, в которых в качестве искусственной примеси фиксируется дресва (слюда и тальк): если по материалам Черемухового Куста рецепты формовочных масс с дресвой составляют 10,6 %, то на поселении Курья 1 — лишь 2,1 % керамики, при этом зафиксированы только смешанные рецептуры.

Наблюдается определенное сходство в традициях гончарного производства населения федоровской и предшествующей коптяковской культур [Илюшина, 2011а, б; Ткачев, Илюшина, 2012, с. 37–41]. В частности, в гончарстве той и другой культур в качестве исходного сырья использовались как илистые, так и «классические» глины, а в состав формовочных масс входили шамот и органика. Вместе с тем в качестве органического компонента коптяковские гончары, особенно на раннем этапе развития культуры, чаще применяли органические растворы, чем выжимку из навоза жвачных животных. Не зафиксировано использование в качестве искусственной примеси дресвы, которая, впрочем, не свойственна гончарству населения культур Тоболо-Ишимского междуречья во все археологические эпохи. Конструирование коптяковских сосудов, так же как и федоровских, чаще всего производилось в соответствии с донно-емкостной программой лоскутным спиралевидным налепом.

О сходстве керамического комплекса поселения Курья 1 с посудой федоровских памятников, и в частности поселка Черемуховый Куст, свидетельствуют форма сосудов, венчиков и орнаментация. В обоих комплексах преобладают слабопрофилированная форма сосудов и округлый, слегка приостренный венчик (табл. 1). У незначительного количества сосудов срез венчика орнаментирован.

Таблица 1

Морфологические характеристики сосудов и орнаментация венчиков федоровских комплексов поселений Курья 1 и Черемуховый Куст

Признак	Курья 1		ЧК
	Кол-во	%	%
Форма сосудов			
Горшки	51	13,4	24,4
Слабопрофилированные горшки	315	82,7	52,1
Банки	15	3,9	23,3
Форма венчиков			
Плоский, уплощенный	91	23,8	24,4
Округлый, приостренный	269	70,7	66,2
Со слабым карнизом, напльвом с внешней стороны	21	5,5	12,7
Орнамент по краю венчика			
Гребенчатые линии	10	2,6	—
«Змейка»	1	0,2	—
<i>Всего сосудов</i>	381		493

Отмечается сходство в соотношении некоторых элементов декора в керамических комплексах Курья 1 и Черемухового Куста: так, близко количество каннелюр (34,1 и 27,2 % соответственно), горизонтальных линий (20,7 и 20,3 %), сетки (3,95 и 4,5 %), уголковых вдавлений (14,2 и 12,4 %), валиков (12,8 и 6,9 %) и заштрихованных лент (7,1 и 1,6 %) (табл. 2). Вместе с тем в комплексе Курья 1 в два раза больше геометрических орнаментов (32,0 и 15,6 %) и меньше сосудов без орнамента (0,5 и 4,7 %) (рис. 3, 4).

Некоторые различия в орнаментации посуды двух поселков могут объясняться, с одной стороны, территориальным расположением, с другой — возможно, небольшим отличием в хронологической позиции, о чем свидетельствуют радиоуглеродные даты: Черемуховый Куст — 3446±95 (УПИ 560), 3280±30 (УПИ 564), 3605 ±53 (УПИ 569); Курья 1 — 3390±40 л.н. (СОАН 5849).

Таблица 2

Орнаментация федоровской посуды поселений Курья 1 и Черемуховый Куст

Элементы орнаментации	Курья 1		Курья 1	ЧК
	Кол-во	%	Всего, %	
Линия, наклоненная вправо	30/152	7,9/39,9	47,7	—
Линия, наклоненная влево	24/82	6,3/21,5	27,8	—
Горизонтальная линия	14/65	3,7/17,06	20,7	20,3
Горизонтальный зигзаг	13/49	3,4/12,8	16,2	—
Горизонтальная линия каннелюр	130	34,1	34,1	27,2
Зигзаг из каннелюр	1	0,2	0,2	—
Каплевидные вдавления	22/32	5,7/8,4	14,1	4,0
Зигзаг из каплевидных вдавлений	3/—	0,8/—	0,8	—
Линия угловых вдавлений	54/—	14,2/—	14,2	12,4
«Змейка»	3/—	0,8/—	0,8	0,6
Валик	49	12,8	12,8	6,9
Вертикальный зигзаг	2/—	0,5/—	0,5	—
Заштрихованная лента	5/22	1,3/5,7	7,1	1,6
Ромбы	—/24	—/6,3	6,3	—
Сетка	—/15	—/3,9	3,9	4,5
Линия «уточек»	—/2	—/0,5	0,5	—
Косые треугольники	2/55	0,5/14,4	14,9	—
Равнобедренные треугольники	10/53	2,6/13,9	16,5	—
Ковровый орнамент	1/—	0,2/—	0,2	—
Без орнамента	2	0,5	0,5	4,7
Всего сосудов	381			

Примечание. В числителе — орнамент в прочерченной, в знаменателе — в ребенчатой технике.

Инвентарь федоровского времени представлен изделиями из обломков керамики, глины, бронзы и кости.

Грузила с желобками. Обнаружено 24 экз. как целых изделий, так и обломков, с одним желобком (8 экз.) и двумя перпендикулярными желобками (16 экз.). Все грузила подпрямоугольной формы, не орнаментированы (рис. 5, 1, 2, 4). Подобные изделия характерны для ряда культур позднебронзового времени.

Бронзовое шило. Целый экземпляр, длиной 8,5 см, шириной около 4,5 мм, в сечении — четырехугольной формы, с расплюснутым концом (рис. 5, 9). Аналогичное изделие происходит из поселения Куделька, расположенного в Присалаирье [Зах, 1997, рис. 19, 31]. Подобные шилья широко распространены в позднебронзовых комплексах.

Бронзовая бляшка с петелькой. Округлой формы, слегка выпуклая, края повреждены. Размер изделия 2,2×2,6 см, толщина — около 1,0 мм. Под петелькой с внутренней стороны изделия фиксируется небольшое углубление для вкладыша (рис. 5, 6). Аналогичные бляшки широко распространены в позднебронзовых комплексах.

Обломки бронзовых изделий. Три предмета, из которых одна пластинка, возможно обломок ножа; обломок изделия подчетыреугольной формы, свернутого из неширокой достаточно толстой пластинки, длиной 4 см, шириной 4 мм (рис. 5, 7). Назначение еще одной, узкой и тонкой пластинки неизвестно (рис. 5, 8).

Бронзовые сплески. При раскопках поселения в федоровском слое обнаружено 4 сплеска каплевидной, удлинённой каплевидной и уплощенной формы, являющихся отходами бронзолитейного производства.

Обломок глиняной литейной формы. Размеры сохранившейся части 4×4 см, толщина 1–1,5 см. В центральной части желобок шириной 0,7, глубиной 0,5 см. Поверхность частично ошлакована (рис. 5, 3).

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

Костяная концевая накладка на лук. Обнаружена в федоровском слое. Вытянутой формы, длиной 7,0 см, со скошенным острием и выступами (рис. 5, 5). Аналоги имеются в материалах позднего бронзового века.

При исследовании колодезных ям 1–5 были отобраны пробы для спорово-пыльцевого анализа, а содержимое колодцев 3 и 6 — промыто через сита. Полученные данные позволили уточнить представления о хозяйственных занятиях населения и реконструировать ландшафты вокруг федоровского поселка.

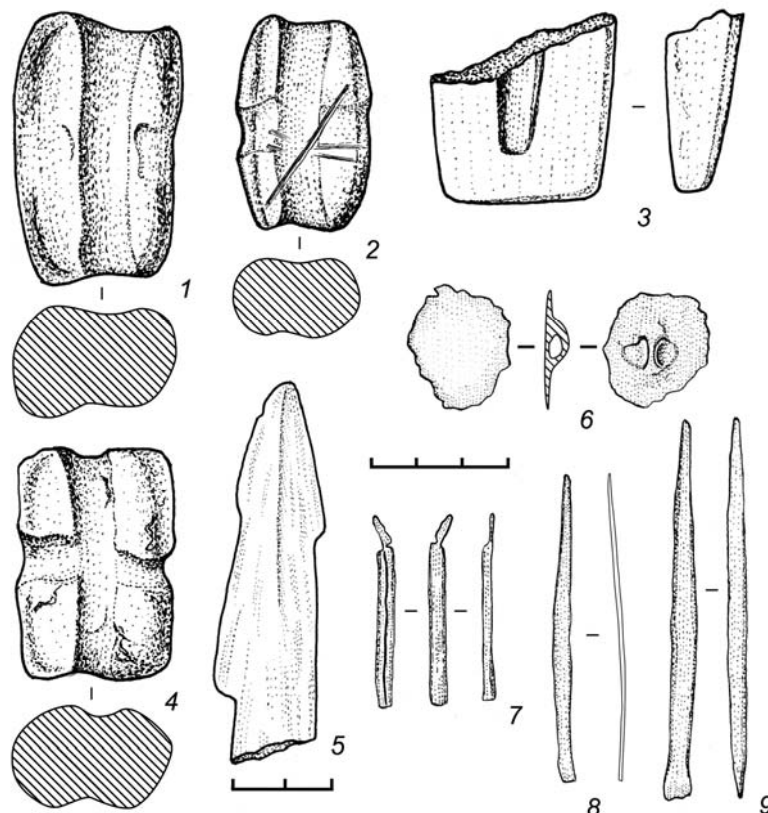

Рис. 5. Инвентарь поселения Курья 1:

1, 2, 4 — глиняные грузила; 3 — обломок глиняной литейной формы; 5 — костяная концевая накладка на лук; 6 — бронзовая бляшка; 7, 8 — обломки бронзовых изделий; 9 — бронзовое шило

Содержимое колодезных ям представлено обломками керамики, костями животных как в крупных фрагментах, так и, в большом количестве, мелко раздробленных. Вероятнее всего, это остатки вываренных раздробленных костей, использовавшихся для приготовления костного клея. Вываренные остатки выплескивались в уже не действующие колодцы, сюда же сбрасывались различные кухонные отходы, о чем свидетельствует темное гумусированное заполнение ям. Из этих же черно-коричневых гумусированных отложений пяти федоровских колодцев с глубин от -27 до -43 см от уровня 4 горизонта (пола сооружений) были отобраны пробы для спорово-пыльцевого анализа.

Пробы отбирались площадным способом. С зачищенной поверхности срезался слой грунта толщиной 1–1,5 см в нескольких участках заполнения колодезной ямы.

Во всех исследованных пробах из федоровских колодцев поселения Курья 1 содержалось большое количество пыльцы хорошей сохранности, что, вероятно, связано с ее фоссилизацией во влажных условиях. Все пробы содержат сходный набор компонентов и могут быть объединены в общий спорово-пыльцевой комплекс. Его доминирующим элементом выступают травы, среди древесных отмечена только пыльца ольхи и липы. Во всех пробах абсолютно преобладает пыльца злаков (67 %) при участии пыльцы представителей маревых, астровых (в том числе полыни, тысячелистника, цикория, бодяка и чертополоха), ворсянковых (короставник), гречишных и крестоцветных, встречена также пыльца иван-чая и конского щавеля. В целом состав

палинокомплекса указывает на то, что во время функционирования поселения окружали преимущественно остепненные луга. В отличие от современных условий, сосново-березовые леса не были типичными для ландшафтов XIV–XII вв. до н.э.

Для характеристики природного окружения федоровского поселка Курья 1 могут быть также привлечены результаты изучения аналогичного культурного слоя поселения Черемуховый Куст, расположенного в 60–70 км южнее [Зах, 1995; Зах и др., 2008]. Период существования последнего определяется датами 3446 ± 95 л.н. (УПИ 560), 3280 ± 30 (УПИ 564). Палинокомплекс, выделенный из культурного слоя поселения, характеризуется доминированием пыльцы трав (75–85 %) на фоне очень малого количества древесной пыльцы. В спектрах преобладает пыльца астровых, в том числе много полыни, встречена также пыльца злаков, маревых и лютиковых, зонтичных, иван-чая и рдеста. Для состава древесной пыльцы характерно преобладание березы и очень незначительное участие сосны и ольхи.

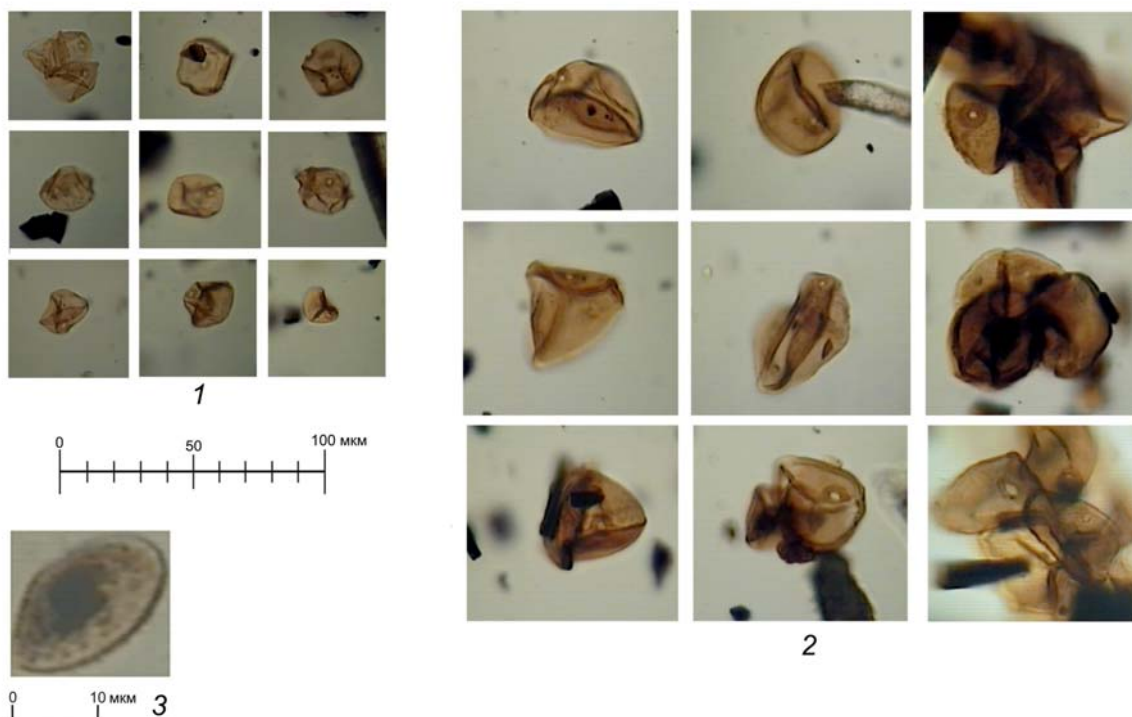

Рис. 6. Пыльца злаков и яйца гельминтов:
1 — пыльца дикорастущих злаков; 2 — пыльца культурных злаков; 3 — яйцо фасциолы

В целом состав спорово-пыльцевых спектров поселения Черемуховый Куст свидетельствует о том, что растительный покров формировался в более теплом и сухом климате, чем современный. Окружающие поселок пространства были заняты в основном лугово-степными сообществами с пылью. Участки лесов представляли собой березовые колки и, возможно, придолинные березовые леса с примесью ивы, ольхи и сосны. После прекращения функционирования поселка отмечается дальнейшая ксерофилизация растительного покрова. Существенные отличия реконструированной растительности от современной говорят о том, что границы природных зон и подзон были смещены к северу: на месте современной северной лесостепи господствовала растительность, сопоставимая с южно-лесостепной [Зах и др., 2008].

При анализе палиноданных отложений из колодцев Курья 1 отмечено присутствие пыльцы пасквальных (пастбищных) и рудеральных сорняков, связанное с обеднением растительных сообществ из-за выпаса непосредственно около поселка. Но наибольший интерес вызывает пыльца злаков, которую достаточно четко можно разделить на две размерные группы: мелкую пыльцу дикорастущих представителей этого семейства (рис. 6, 1) и крупную, диагностируемую как пыльца культурных злаков (рис. 6, 2). Большая часть обнаруженных крупных пыльцевых зерен по морфологическим признакам (яйцевидная форма, крупный, сильно выступающий ва-

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

лик около поры) близка пыльце пшеницы (*Triticum* sp.), часть зерен ввиду плохой сохранности не идентифицирована [Рябогина, Иванов, 2011]. Очень важен факт не единичной находки, а нахождения пыльцы в виде скоплений — это один из основных диагностических признаков близкого расположения засеянного поля. К сожалению, при флотации культурного слоя заполнения колодцев зерна не были выявлены, что не удивительно, так как необугленные плоды достаточно быстро разрушаются в почве. Отпечатки зерен на керамике также не фиксировались. Не найдено и орудий обработки земли или переработки зерна, подтверждающих знакомство федоровского населения с земледелием. Тем не менее обнаруженная пыльца культурных злаков в настоящее время является наиболее ранним палеоботаническим свидетельством земледелия в Западной Сибири.

В производящем хозяйстве населения бронзового и раннего железного веков в Западной Сибири превалировало скотоводческое направление. Предположения о занятии позднебронзового населения земледелием связаны с находками орудий сбора и переработки злаков на памятниках черкаскульской и еловской культур поздней бронзы, а также с общим оседлым характером их жизни [Косарев, 1981; Сидоров, 1986; Эпоха бронзы..., 1987]. До материалов поселения Курья 1 существование локальных очагов культивирования злаков на финальном этапе эпохи бронзы в южном Зауралье подтверждалось единственным палеоботаническим источником — отпечатками двух зерен ячменя и пшеницы на керамике поселения Ольховка в Приисетье (карпологиические определения О.М. Короны [Матвеев и др., 1998; Матвеев, 1999]). Обращает на себя внимание, что для времени обитания черкаскульского и федоровского населения, середины — конца II тыс. до н.э., в Притоболье реконструированы наиболее аридные климатические условия.

Сооружение поселков на пойменных участках озер и рек, с одной стороны, и пастушеское придомное скотоводство с содержанием скота в долговременных жилищах, с другой, способствовали первому земледельческому опыту федоровцев, что не противоречит предположению о единичных очагах земледелия на наиболее увлажненных и плодородных участках [Косарев, 1981; Потемкина, 1985].

Интересными оказались данные паразитологического изучения проб из колодезных ям, использовавшихся после функционирования колодцев для утилизации отходов. При анализе снимков, полученных в результате споро-пыльцевого исследования, наряду с пыльцевыми зернами было выявлено яйцо фасциолы (рис. 6, 3). Возбудителями фасциозов являются два вида трематод: *Fasciolahepatica* и *Fasciolagigantica*. *Fasciolahepatica* имеет листовидную форму, длину 2,0–3,0 см, ширину 0,8–1,2 см. Яйца желтовато-бурого цвета, размером 0,13–0,14×0,7–0,09 мм. *Fasciolagigantica* достигает длины 3,3–7,6 см, ширины 0,5–1,2 см, яйца размером 0,15–0,19×0,075–0,09 мм [Павловский, 1946]. Половозрелые формы паразитируют у травоядных животных (лошади, коровы, овцы, свиньи) и человека в желчных проходах печени. Фасциола обыкновенная распространена повсеместно, а гигантская встречается в регионах с теплым климатом. В обычных условиях гельминт локализуется в желчевыводящей системе, изредка в других органах. Промежуточными хозяевами являются различные виды пресноводных моллюсков, в особенности малый и ушковидный прудовики. Источником инвазии для человека печеночной фасциолой обыкновенной становится мелкий рогатый скот, а гигантской — коровы, лошади и некоторые грызуны.

Исследования древней гельминтофауны актуальны, так как, в силу того что многие паразиты являются общими для человека и животных, могут способствовать оценке, с одной стороны, здоровья населения, а с другой — возможного вреда производящей экономике, наносимого паразитами и выражающегося в снижении продуктивности или смертности домашних животных [Зах и др., 2011].

На наш взгляд, сложение федоровской культуры в Притоболье нельзя рассматривать как простую смену алакульских комплексов федоровскими. Формирование последних достаточно длительный процесс, включающий слияние групп алакульского населения и носителей местной орнаментальной традиции (ташковцев) и развитие на этой основе коптяковских комплексов.

О включении в алакульскую среду некоторых элементов культуры местного населения свидетельствуют появление горшков с плавной профилировкой, гребенчатой орнаментации и валиков в составе федоровских керамических комплексов. Но при этом сохраняются многие алакульские черты, унаследованные федоровской культурой: основные мотивы в орнаментации и тип хозяйства. По территории продвижения носителей алакульской культуры на север в резуль-

тате ассимиляции ими автохтонного населения северных лесостепных и предтаежных территорий складываются коптяковские комплексы (поселения Оськино Болото, Чепкуль 5, 20), а впоследствии — достаточно чистые, в нашем представлении, федоровские (Черемуховый Куст, Дуванское 17).

Федоровское население со сложившейся культурой в середине II тыс. до н.э. проникает за Иртыш, в Барабу (Каргат 6) и Приобье (Куделька). Причинами миграции на восток, скорее всего, стали аридизация климата и невозможность продвижения скотоводческого населения дальше на север, в таежную зону, что обусловило освоение федоровцами обширных лесостепных и степных территорий вплоть до Енисея.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
- Волков Е.Н.* Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 240–242.
- Волков Е.Н., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Илюшина В.В., Исаев Д.Н.* Раскопки многослойного поселения Курья 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 240–242.
- Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А.* Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
- Зах В.А.* К вопросу о генезисе и хронологии коптяковской культуры // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 117–119.
- Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е.* Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1. С. 219–233.
- Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В.* Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зах В.А., Илюшина В.В.* Посуда федоровской культуры Нижнего Притоболья (по материалам поселения Черемуховый Куст) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 42–50.
- Зах В.А., Цембалюк С.И., Сибен А.Н.* «Паразиты» в жизни человека: К постановке проблемы // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 107–110.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления керамики коптяковской культуры (по поселению Чепкуль 20) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011а. Вып. 4. С. 170–172.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления посуды коптяковской культуры по материалам поселения Чепкуль 5 // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 2. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011б. С. 386–388.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления посуды федоровского поселения Черемуховый Куст // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2010. С. 173–176.
- Ковалева В.Т.* Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково 2. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. 132 с.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.* Ташковская культура: Андреевское озеро 13. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Матвеев А.В.* Новые данные о системе жизнеобеспечения черкакульского населения Приисетья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 121–124.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Корона О.М.* Исследования по изучению земледелия древнего населения лесостепного Притоболья (предварительное сообщение) // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. Вып. 3. С. 63–66.
- Матющенко В.И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: (Неолит и бронзовый век). Томск, 1973. Ч. 2: Самусьская культура. 208 с. (ИИС; Вып. 10).
- Молодин В.И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 170 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.* Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

Павловский Е.Н. Руководство по паразитологии человека. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 221–231, 243–250.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: Проблемы аргументации, палеознотботанические методы и анализ фактов // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 4 (48). С. 96–106.

Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 54–66.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1983. С. 143–151.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приоболья. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 108 с.

Ткачев А.А., Илюшина В.В. Коптяковский комплекс поселения Оськино Болото // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 34–43.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 417 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
ryabogina@rambler.ru
vika_tika@mail.ru
ivasenik@rambler.ru

Subject to consideration being materials of the Fyodorovo complex of a multi-layered Kurja 1 settlement located by an old oxbow lake of the same name in the north of the Andreyevo lake system. Findings of the Fyodorovo culture were obtained in the layer of dark brown loam and in well pits penetrating into early layers and the mainland sand. Subject to investigation being remnants of probably three slightly in-depth dwellings with wells containing pottery, scarce inventory and animal bones. Spore-and-pollen and helminthological analyses of the samples taken from filling of the wells showed that the Fyodorovo settlement had existed under arid conditions with steppe-like landscapes. Of interest being pollen of grain grasses which could be divided into two size groups: fine pollen of wild-growing grain grasses, and large pollen diagnosed as pollen of cultural grain grasses. Following morphological signs, it is closer to wheat pollen (Triticum sp.) met in clusters, to be one of the main diagnostic signs of a closely located sown field. In the samples from filling of the wells, which after their sagging were most probably used for disposal of food wastes, eggs of Fasciola were detected.

The Andreyevo lake system, the Fyodorovo culture, pottery, spore-and-pollen analysis, wild-growing and cultural grain grasses, eggs of helminthes.